

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ В ПЕРЕВОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КИЕВСКОЙ РУСИ

Иштван Феринц

Известно, что возникновение древнерусской литературы неразрывно связано с процессом возникновения раннефеодального государства. Естественно, что и переводная литература Руси удовлетворяла прежде всего интересам и потребностям формирующегося раннефеодального Киевского государства. Переводы в XI–XII вв. во многих случаях предшествовали созданию оригинальных произведений. В этом смысле можно сказать, что в целом Русь стала читать чужое раньше, чем писать свое, т.е. подобно другим европейским странам, Русь училась у стран, которые были наследницами многовековой античной культуры Древней Греции и Рима. Для Руси важнейшую роль в этом посредничестве культуры сыграли Болгария и Византия. Поскольку в X–XI вв. класс феодалов на Руси был молодым, эта литература отвечала внутренним потребностям развивающейся Древней Руси и в конечном счете способствовала переходу Руси на новую ступень социального развития. Исследования показывают, что самый выбор переводимых произведений диктовался требованиями молодого Киевского государства.

Начало XII века – особенно важная страница в истории древнерусской письменности. Создаются такие произведения общегосударственного значения, как вторая (1117 г.) и третья (1118 г.) редакции *Повести временных лет*, редакции *Жития Феодосия Печерского* и *Сказания о Борисе и Глебе*, произведения Владимира Мономаха (*Пouchение*, *Письмо Олегу Святославичу*, *Молитвенное обращение*), *Хождение игумена Даниила*. Вероятно, к концу XII века или в XIII веке был переведен на Руси сборник афоризмов, собранных из книг *Священного писания*, творений «отцов церкви», книг античных философов. Поскольку эти изречения собирались с большим старанием, как пчела собирает нектар, и таким нектаром была извлеченная из книг мудрость, то и этот сборник назывался на Руси *Пчела* (греч. *Мелисса*). Сборник стал в дальнейшем любимым чтением образованных людей на Руси до XVIII в. Афоризмы, собранные в *Пчеле*, обильно использо-

вались или каким-то образом обыгрывались затем в оригинальных древнерусских произведениях, переосмысляясь соответственно условиям древнерусской жизни, породили много поговорок, известных русским людям. Древнерусские книжники афоризмами, взятыми из *Пчелы*, подкрепляли свои мысли, в афористической форме излагали нормы христианско-феодальной этики (см. Адрианова-Перетц 1972). В то же время они дополняли *Пчелу* новыми афоризмами, взятыми из произведений древнерусской литературы, а также из мирских притч. Следует отметить, что характер сборника, материал которого был расположен по типу и характеру пороков или добродетелей, легко позволял вставки и другие изменения текста; поэтому, как показывают исследования,¹ есть редакции *Пчелы*, отличающиеся от греческого текста и возникшие, по-видимому, уже на русской почве. (Известно более двух десятков списков этой версии *Пчелы*, см. Лихачев 1987: 382–387.) *Пчела*, которая в древнерусском переводе состояла из 71 главы, содержала около 2500 изречений на морально-этические и общественно-политические темы и по своему материалу четко делилась на две части: большую составляют извлечения из *Евангелия*, *Апостола*, *Псалтыри* и других книг *Писания*, а другую представляют афоризмы и сентенции из античных и более поздних греческих и римских языческих и христианских авторов, причем принадлежность некоторых высказываний определенному лицу сомнительна, а иные изречения в славянских и греческих списках приписывались разным авторам.²

Некоторые главы или слова *Пчелы* посвящены вопросам, имеющим отношение к психологии человека. Сюда относится прежде всего *вопрос о душе и теле, и о сущности души*. В связи с этим в сборнике приводятся слова Златоуста: «Как душа без плоти не зовется человеком, так и плоть без души» (с. 282). Также утверждается, что всякий человек – независимо от того, ведет ли он праведную или нечестивую жизнь – обладает бессмертной душой; при всех условиях «бессмертна есть душа» (Семенов 1893: 301). Но души праведников «по разлучении с телом несутся к богу, подобно тому как пар земной,

¹ Фундаментальное исследование сборников изречений и афоризмов принадлежит М.Н. Сперанскому (1904).

² См. *Пчела*. Текст опубликован в кн.: *Мудрое слово Древней Руси (XI–XVII вв.)* – цитаты даются в дальнейшем по этому изданию, после цитат в скобках указывается страница.

влекомый солнечными лучами, несется к солнцу, а души нечестивых мучатся неугасимым огнем и бесконечною мукою» (Соколов 1957). В понятие души включено также *представление о непрестанной борьбе в человеке двух начал* – духовного и телесного. В связи с этим приводится совет Клитарха: «Душу содержи как воеводу, а тело как воина, и следи, чтобы подчинялся воин воеводе, а не воевода воину» (с. 321). При этом, подавляя потребности тела, достигая «телесного убожества», человек возвеличивает, «обогащает» свою душу, и наоборот: «богатство тела» ведет к «убожеству души».

Подобные мысли мы находим в *Послании* киевского митрополита Никифора (1104–1121) Владимиру Мономаху. В этом *Послании* мы находим довольно развитую систему психологических представлений, явно исходящую из основных положений платоновской философии, но в значительной своей части опирающуюся на жизненный опыт автора. В произведении характеризуется природа духовного и материального начал бытия, подчеркивается, что тело, дисциплинируемое постом, предопределяет душевные качества личности. Никифор так пишет о посте: (Бог), «как устроитель нашего спасения, во имя духовного очищения душ наших узаконил пост, и даровал нам лекарство для душевного здоровья, поскольку двойственна наша жизнь: разумная и неразумная, бесплотная и телесная. Разумное бесплотное ведь есть нечто божественное и чудесное, и касается бесплотного естества, а неразумное – исполненного [плотских] страстей (чувственного) и сластолюбивого [естества]. И поэтому внутри нас [идет] большая борьба, и противится (сопротивляется) плоть духу, а дух плоти. Поэтому нам поистине необходима постная растительная пища, ибо пост укрощает телесные страсти, он обуздывает противоположные (враждебные) стремления и духу дает власть над плотью. И так покоряется низшее высшему, (л. 347б) т.е. тело душе» (Послание: 288–293). Говоря о необходимости и силе поста, Никифор приходит к заключению, что «пост есть основание добродетели» (там же, 289).

Как мы видим, вопрос о сущности души полностью укладывается составителями *Пчелы* в традиционно-религиозную схему. Но в тех разделах *Пчелы*, где рассматриваются частные вопросы психологической жизни человека, понятие души выступает в несколько ином освещении. От имени Платона ведутся, например, *рассуждения о памяти*. «Что есть память?» – спрашивает составитель *Пчелы* и отвеча-

ет: «Сохранение виденного и слышанного, извлечение же того называется воспоминанием» (с. 321). Далее делается попытка установить особенности памяти людей, стоящих на разных ступенях умственного развития. Своеобразие памяти умных («хитрых») людей усматривается в их способности к легкому и быстрому воспроизведению прежних впечатлений. Наконец, приводятся *наблюдения относительно возрастных свойств памяти*. Ссылаясь на Платона, в *Пчеле* говорится: «Дети и старики одинаково беспамятны; те развиваясь, а эти утрачивая силы» (там же).

Как мы видим, когда составители *Пчелы* отходят от отвлеченных рассуждений о душе, где они связаны с церковной догматикой, то они объясняют развитие психики естественными причинами (например, возрастом, развитием организма), которые ничего мистического в себе не заключают.

В наибольшей степени авторов *Пчелы* занимает *вопрос о разуме*, и, пожалуй, в этом вопросе наблюдается больше всего уступок житейским наблюдениям и здравому смыслу. Ум оценивается, как главная, *высшая способность души*: «Мудрость надо всеми добродетелями царствовать» (с. 208). При недостатке ума ничто не может заменить его человеку. Тем, кто отдаст предпочтение счастью или удаче перед умом, истинный философ отвечает: «А мне бы каплю ума, чтоб достичь полноты счастья» (с. 275). Ведь «с умом еще можно сыскать удачу, удача же ума не прибавит» (с. 276), т.е. где ум – там и удача. Для того, чтобы сохранить приобретенное богатство, также необходим ум. Пифагор будто бы сказал: «Ни коня невозможно без узды удержать, ни богатства без ума» (с. 277). Мало что значит и физическая сила при отсутствии ума: «сила без мудрости бесполезна, ум же, хотя не имеет силы, всегда сообразит» (с. 276). Для одержания победы в сражениях также необходимо умение правильно мыслить, ведь «умом же и мудростью одолеть могут лишь те, кто умеет хорошо мыслить» (там же).³ Власть также можно удержать только при помощи ума: («принимающему большую власть надобно иметь и большой ум»), так как «царь короною ума не получит, ибо царствует ум» (с. 288), а «власть без ума – источник зла» (с. 289). Словом, в жизни ум и умение правильно мыслить – важнее всего. От него зависит и бо-

³ «иже добре думати умеют» (с. 209).

гатство, и власть, и всякое благополучие человека. Как видим, способ мышления составителей *Пчелы* здесь отнюдь не церковный.

Такой же практический подход наблюдается и там, где *Пчела* порицает тех «многих», у кого «язык речеть пред умом» (с. 251), и советует «постоянно сдерживать язык разумом и пресекать потоки слов, да не будем безрассуднее гусей» (с. 319), т.е. сначала следует подумать, взвесить свои слова, а потом уже их произнести. С этим советом связаны афоризмы на тему болтливости и многословия. Так, Евагрию приписан следующий совет: «Говори, что достойно, и когда достойно, и о тех, кто достоин» (там же), а Демосфену приписано следующее замечание, якобы сделанное им на пиру одному речистому: «Если бы столько ума имел, сколько речей, так много бы не говорил» (там же).

Выражая саркастическое отношение к людям, страдающим излишним многословием, *Пчела* вместе с тем подчеркивает *большое значение слова в жизни людей*. В речи раскрывается внутренний, духовный облик человека, подобно тому как в зеркале отражается его внешний облик: «Выражение лица в зеркале видится, души же – в беседах проявляется» (с. 295). *Пчела* утверждает, что подобно тому, «как коню ржание, и псу лай, и волу рев, и барсу рычанье дано, и это их признак, так и человеку слово, и это признак («знаменье») его, и сила его, и оружие, оплот и ограда (там же). Следовательно, *слово составляет особое преимущество человека*, ибо слово ставит человека выше всех других живых существ, как говорится в *Пчеле*: «боголюбивое живое существо из всех прочих животных этим отмечено» (там же).

Но если «многомолвение» есть обманчивый показатель, то по каким же особенностям человека можно судить о наличии у него ума? *Пчела* указывает со ссылкой на Аристотеля, что поведение умных людей есть поведение со знанием дела. *Человек, обладающий умом, уверен в правильности своих действий и не испытывает ненужных колебаний, не нуждается в чужих советах*: «Советы не что иное, как недостаток ума. Ибо, не зная, что следует делать, а чего – нельзя, и просим совета; чужое же мнение часто мешает решить, как следует поступать» (с. 277). Уверенность, с какой действует умный человек, покоится на учете им прошлого опыта. Этот опыт лежит в основе следующего совета, провозглашаемого от имени Сократа: «Когда рассуждаешь, подумай о прежде бывшем и сравни его с нынешним и все, что сокрыто, сразу окажется явным» (с. 276).

Ум связывается также с умением предвидеть результат предпринимаемых действий. Среди изречений *Пчелы*, посвященных свойствам человеческого ума, мы находим такое: «Следует нам, сперва рассмотрев свершение дела, лишь тогда и начинать его» (с. 277), т.е. следует начинать дело, предусматривая его конец. При этом подчеркивается, что «одна лишь мысль прежде бывшее памятью видит» (с. 276). Такая тонкая и верная характеристика основных проявлений ума, несомненно, есть обобщение фактов жизненного наблюдения.

Пчела подходит к проблеме ума и со стороны отношения его к чувству, страсти. Как того требует церковное учение, разум противопоставляется чувству. Между ними всегда идет борьба. Подвергаясь страсти, мы тем самым «отходим (от) ума», перестаем руководствоваться им в своем поведении, как Златоуст сказал: «Ничто так не смущает чистоты ума, и красоты и мудрости, как гнев беспричинный, громким ревом разнесенный» (с. 302). Кроме того, люди, «ослепленные» какой-либо страстью, например гневом, вредят своему здоровью, ибо «ярость и гнев умаляют дни [...] и если мучительность гнева не успокоить, то болезнью тела оно обернется» (там же). Одержимые гневом люди теряют всякий контроль над своими действиями, и внешнее поведение таких людей рисуется в *Пчеле* самыми непривлекательными чертами: «Когда же ярость в груди разгорится, поднимется и расвирепееет, вспыхнет тогда огонь на устах, а очи искры испустят, лицо распухнет, а руки бесцельно замашут, и ноги странно заходят и задерживаются, и пена на губах, как у бешеного, как будто дикие кони роют копытами и кусают, — ибо воистину в ярости человек неприятен» (там же). Составители *Пчелы* подчеркивают, важность ума и кроткого слова в обуздании гнева, и заявляют, что «люди, противящиеся гневу и возбуждению ярости, и велики и храбры» (с. 303).⁴ В самой сущности страсти лежит то, что она омрачает ум, так же как к сущности облаков принадлежит то, что они закрывают солнце («Часто заслоняют облака солнце, а пороки ум» (с. 325). Отсюда задача — охранять свой ум от порабощения его страстью. Правда: «Ум не искореняет порока, но ему противится» (с. 309). Дуалистическое противопоставление разума и чувства в конечном счете отражало дуализм души и тела.

⁴ «скорый гнев умом обуздается», «кроткое слово укрощает гнев» (с. 303).

Ставится в *Пчеле* и вопрос об источниках ума. Здесь прежде всего ясно указывается на зависимость умственного развития человека от его физического созревания. Детский ум – это ум «несовершенный». Отсюда и призыв: «Не будьте детьми умом» (с. 275). По мнению *Пчелы*, интеллектуальный уровень некоторых взрослых людей таков, что он нисколько не превышает уровня мышления маленького ребенка.

Помимо возрастного фактора, решающее значение для умственного развития человека придается *учению, знаниям*. Образованный человек сравнивается с золотом: «Как золото всюду в чести, так и человек образованный» (с. 300). Составители *Пчелы* утверждают: «Боязливой и нетвердой бывает душа в невежестве, а не по сути» (с. 279). Клитарху приписывается заявление: «твердость души и есть мудрость» (с. 276). В сборнике подчеркивается, что «начало знанию – сознание невежества своего» (с. 323) и это первое и необходимое условие совершенствования ума, ибо душе требуется не просто природный ум, а «ум, ученьем украшенный» (с. 300). В связи с этим подчеркивается, что «насильное обучение не может быть твердым, но то, что с радостью и весельем входит, крепко западает в души внимающим» (с. 296). Также подчеркивается важность систематичного учения: «невозможны обширные знания при малом ученье» (с. 297). Особенное признание авторов *Пчелы* вызывают «юноши», которые учатся философии и хотят достигнуть высоты мудрости. Они сравниваются с пчелами, которые летают по «всяким садам и травам» и «отовсюду наилучшее собирают» (с. 298). Прилежание, любовь к чтению необходимы для успеха учения не менее, чем природные дарования. Таким образом, согласно представлениям, нашедшим себе место в *Пчеле*, совершенство ума обусловлено сочетанием двух условий – природных данных, действующих с объективной закономерностью (например, возрастной фактор), и целенаправленной человеческой деятельности (учение, чтение книг). Совершенно ясно, что эти представления могли сложиться только на основе жизненного, практического опыта людей.

В частности, ум выступает в роли верховного судьи над чувствами и стремлениями, рождающимися в сердце. Автор показывает могущество разума в результате чтения книг: «как нельзя вычерпать ведром колодца, питаемого мощным ключом, так не могут быть истощены возможности разума, постоянно развиваемого книжным образо-

ванием». Отсюда понятно негодование Златоуста против тех, кто «не душевной пользы ради приобретают книги, но желая явить богатство свое и гордыню, о чтении же не заботятся, [...] и нет никого, кто сказал бы „Знаю силу книги!“» (с. 297). Читателю остается сделать заключение, что те неисчерпаемые возможности, которые свойственны нашему разуму, создаются умственным воспитанием и образованием. Здесь снова мы видим стремление понимать психические явления как нечто естественное.

Натуралистическая тенденция составителя списка проявляется и в его наивной попытке найти для разума физическое место в организме. Управляя всей жизнедеятельностью человека, разум, «подобно царю, сидящему на престоле», должен находиться в той или иной высшей точке человеческого тела. Составитель помещает его «во лбу», а еще точнее – «между лбом и мозгом», не умея пока связать разум непосредственно с головным мозгом.

Ярким выражением реалистического подхода составителя *Пчелы* к этим вопросам является его утверждение, что *человеческие отношения*, в частности отношения дружбы, *познаются только в определенных конкретных жизненных обстоятельствах*: «никого не делай своим другом, предварительно не проверив, каким он был с прежним другом, который был у него до тебя» (с. 284). Только в самой жизненной практике мог родиться тот критерий дружбы, который указывает *Пчелой*: «золото огнем проверяется, а друг – житейскими бедами» (там же). Эти же идеи можно встретить и в некоторых других памятниках эпохи.

Оценивая общее содержание *Пчелы*, надо заметить, что вопросы психологии привлекают к себе ее особое внимание. Ряд входящих в состав *Пчелы* статей специально посвящен этим вопросам, о чем говорят уже самые названия статей: *Слово о душе*, *Слово о мудрости*, *Слово о памяти*, *Слово о сне*, *Слово о ярости и о гневе* и т.п. Как показывают приведенные нами примеры, в поисках ответа на вопросы, касающиеся человеческой психики, люди не только идут за церковной литературой, но и во многом полагаются на жизненный опыт и на свои наблюдения. Сборник *Пчела* – самый значительный проводник идей античных авторов в русскую среду, – так оценил его акад. В.Н. Перетц. Значит, чтение *Пчелы* было весьма полезно для образованных людей Киевской Руси, так как древнерусский читатель полу-

чил материал для сопоставлений с народными пословицами, афористически представленной народной мудростью. В сборнике он нашел предпочтение высоких душевных качеств преходящим телесным, преклонение перед человеческой мудростью и знанием как чертой, выделяющей человека из животного мира, высмеивание суеты и сиюминутных страстей в пользу непреходящих ценностей человеческой личности. Эти ценности как бы настойчиво внушались читателю составителем и переводчиками.

ЛИТЕРАТУРА

- Адрианова-Перетц, В.П. 1972, Человек в учительной литературе Древней Руси. *ТОДРЛ, т. 27*. Ленинград: Наука, 3–68.
- Лихачев, Д.С. (отв. ред.) 1987, *Словарь книжников и книжности Древней Руси, вып. I: XI – первая половина XIV в.* Ленинград: Наука.
- Послание – Послание Никифора, митрополита Киевского, к великому князю Владимиру, сыну Всеволода, сына Ярослава (Подготовка текста и перевод Баранковой, Г.С.). В кн.: Громов, М.Н. – Мильков, В.В. (отв. ред.-сост.), *Философские и богословские идеи в памятниках древнерусской мысли*. Москва: Наука, 2000, 283–306. (= Памятники религиозно-философской мысли Древней Руси)
- Пчела – Пчела. В кн.: Колесов, В.В. (сост.), *Мудрое слово Древней Руси (XI–XVII вв.)*. Москва: Советская Россия, 1989, 205–337, 450–452. (Сокровища древнерусской литературы)
- Семенов, В.А. 1893, Древняя русская Пчела по пергаменному списку. В кн.: *СОРЯС* (Сборник отделения русского языка и словесности), т. 54. Санкт-Петербург, 1–444. (Репринт: *Melissa: Ein byzantinisches Florilegium, griechisch und altrussisch*. München, 1968. (= Slavische Propyläen, Bd. 7.))
- Соколов, М.В. 1957, Психологические воззрения в Древней Руси. В кн.: *Очерки по истории русской психологии*. Москва: МГУ, 3–101.
- Сперанский, М.Н. 1904, *Переводные сборники изречений в славянорусской письменности: Исследование и тексты*. Москва: Императорское общество Истории и Древностей Российских при Московском Университете, 155–392.